

Татьяна Брукс Гололёд Детектив

В ряду убийц +1

Антон не мог смотреть на свою невесту. Бывшую невесту. Он возвышался над ней, опираясь одной рукой на угол стола в большом холле её дома, как спустившийся с небес огромный херувим, с большими, как застывшие озера, глазами и пшеничными кудрями. Она, как поверженный ангел, лежала у его ног в луже крови, все ещё медленно вытекающей из огромной раны на виске. В противоположность к его светлым, ее иссиня-черные специально покрашенные к свадьбе волосы, впитывали в себя красный сироп крови. Черное и красное.

Лицо было повернуто в обратную от кровавого потока сторону и выделялось чистым белым пятном на общем фоне. Почти незаметный, на три-четыре месяца беременности животик выглядел холмиком могилы над счастьем Антона.

— Алина... Алина... Алиночка... — шевелились его губы на закаменелом лице.

— Антон? Ты что тут делаешь так поздно?

Полная женщина, возраст которой

определенно подбирался к пятидесяти, спускалась по лестнице, ведущей в спальни, размещавшиеся на втором этаже. Было поздно, полдвенадцатого ночи. Женщина была одета в длинный шёлковый халат, а на лице лоснилась неаккуратно намазанная зеленоватая маска — Алла Владимировна Шмидт пыталась бороться с возрастом.

— Алина... тут Алина... она... мёртвая.

Он оторвался от стола, на который опирался, чтобы не упасть, удивленно глянул на свою руку — она была в крови. И только теперь Антон подумал, что его, конечно же, заподозрят в убийстве своей невесты. Как же, вот она лежит перед ним, кровь все ещё вытекает из раны на виске, и в комнате кроме него больше никого нет.

— Ш-ш-што-о-о? Ш-што-о с Алиной? — грозно зашипела его несостоявшаяся теща.

И тут Антон опомнился, не сказав ни слова, рванул из дома. Уже вылетев за дверь, увидел огни удаляющейся легковой машины, на которые едва обратил внимание, и услышал крик, который больше походил на злобный вой раненого зверя: «Убийца-а-а-а...»

Антон помчался. Тяжелая куртка, которую он так и не застегнул, развевалась на ветру и мешала бежать. Был декабрь, холодно и скользко. Несколько раз Антон чуть не упал в мокрое

снежное месиво, которое было под ногами. Такие же полу растаявшие снежные хлопья плюхались ему на голову. Горячее тело тут же превращало снег в воду, она холодными потоками стекала за воротник на спину, где становилась горячей. Ни холода, ни влаги Антон не чувствовал. Он мчался куда глаза глядят, и ноги сами привели этого летящего ангела, несущего весть о смерти, к его другу Лаврентию, с которым ещё со школьных лет делил он бутерброд, парту и все мальчишеские секреты.

Непредвиденное рождение Лаврентия Ботана

С самого детства Антон был единственным светлым пятном в воспоминаниях маленького Лавруши. У мальчика кроме его экстравагантного имени и ещё более экстравагантной фамилии ничего не было. Он был почти сирота. Воспитывала его стареющая тетка мамы, женщина хоть и добрая, но какая-то ко всему безразличная.

Ольга Николаевна была известной актрисой и обзаводиться детьми ей было недосуг. Творчество и гастрольная артистическая жизнь также не способствовали обзаведению семьи. И вообще, больше всего на свете Ольга ценила свою свободу. И только к тридцати пяти годам, когда она

встретила шестидесятилетнего американского голливудского красавца Джорджа Скотта, просчитав, что он уже достаточно стар для того, чтобы желать, а тем более иметь детей, решила связать свою жизнь брачными узами.

Джордж приехал в Украину с концертом, и встретив Ольгу, уже не смог её забыть. Оформив все полагающиеся документы для свадьбы и въезда в страну, сделал украинской звезде предложение. Она его приняла. Сыграли свадьбу. И когда, примерно через полгода совместной жизни, у Ольги прекратились месячные она решила — климакс. Не придав особого значения изменениям, подумала только: «Ну, и прекрасно, не надо будет возиться с прокладками и всей этой неприятной обязанностью, которой нас наказал Господь — Бог. И за что он нас так? Подумаешь, ну съела Ева это чёртово яблоко. Ну познала то, что не положено. А кто вообще решил, что она должна знать, а чего нет? Да, и когда это было? А если уж совсем честно, то что бы эти мужчины вообще делали без нашего женского знания, если они даже не могут запомнить в каком ящике комода находятся их носки, а в каком трусы».

Месяца через четыре «климакс» зашевелился. Тут Ольга Владимировна не на шутку забеспокоилась и отправилась к гинекологу.

— У вас восемнадцать недель

беременности, — равнодушно прокомментировала ситуацию молодая, стильная, пахнущая духами Шанель № 5, доктор.

— Как? — трусики Ольги Владимировны замерли в руках на полпути к достижению цели.

— Ну, я подозреваю, что тем же способом, как беременеют женщины всего мира, — попыталась съюморить гинеколог, хрустя белоснежным халатиком.

— Мне скоро сорок лет. Моему мужу — шестьдесят. Этого просто не может быть.

— Завидую я вам, Ольга Владимировна. Шестьдесят лет и все ещё способен зачать ребеночка. Вот молодец.

— Что значит молодец? Не нужен мне никакой ребеночек. Дайте направление на аборт.

— Нет, — отрезала гинекологша и посмотрела на Ольгу поверх своих стильных очков, которые она носила, похоже, только как аксессуар.

— Что значит «нет»?

— А то и значит. Во-первых уже поздно — ребеночек шевелится, а во-вторых, вам нельзя делать аборт — у вас фибромиома. Кстати, беременность, возможно, решит эту проблему. Такие случаи бывают.

— Какая ещё фибромиома? Это что рак? Но я не хочу!

— У вас ведь нет детей, не так ли? —

«захрустел» халатик, когда его хозяйка деликатно избегая опасной темы, садилась за стол.

— Нет, но...

— Как бы там ни было, я не возьму на себя ответственность. Более того, настоятельно рекомендую вам родить.

Так на свет появился Лавруша, как символ лаврового венка — успешного завершения творческой деятельности знаменитой актрисы Ольги Ботан. Фамилию, по причине того, что в переводе на русский язык фамилия отца — Скотт, звучала не слишком прилично, дали мамину — Бота н. Родители боялись, что ребенка задразнят недобрые дети. Проблемы это, правда, не исключило. Лаврентия дразнили то «ботаником» из-за фамилии, то «лавровым листком» из-за имени, так что, видимо, в конце концов, это и определило его будущую профессию. Лавр Георгиевич Ботан стал ботаником. В свои тридцать лет — профессор, заведующий кафедрой генетики растений в сельскохозяйственной академии. И единственным другом ещё со школьной скамьи остался Антон Гаевский, с которым они, частенько кулаками, вместе защищали свое ребячье достоинство: то Лавра из-за отца американца, то самого Антона, который приехал в класс из Западной Украины и «розмовляв українською мовою».

Если друг вдруг в отъезде, или лекарство от стресса

Антон взлетел на третий этаж дома, где жил его друг и, даже не задумываясь, что уже далеко за полночь позвонил в дверь. Ему никто не открыл. Он позвонил ещё раз, потом ещё. В конце концов он стал давить на кнопку звонка, не отнимая руки, но эту дверь ему так никто не открыл. Зато открылась дверь рядом. Из неё, серым мышонком, высунулась заспанная милая мордашка девушки с растрепанным ёжиком на голове.

— А Лавра нет, — пропищал «мышонок».

— А? Что? Как нет? Как это нет? А где он?

— Он уехал. На конференцию. В Америку. Будет завтра или послезавтра, не помню щас.

— Как уехал? В Америку? Он что, с ума сошёл? А что же мне теперь делать? — Антон прислонился спиной к стене, потом закрыв лицо ладонями, съехал по ней вниз.

— Ой, у вас кровь, — забеспокоилась девушка, — может вам нужна помощь?

— Мне теперь ничто не поможет, — выдавил из себя парень вымазывая кровью, оставшейся на ладонях, свои белокурые кудри.

— Вы, наверное, Антон? — девушка на цыпочках подошла к сидевшему на кафеле грустному херувиму и присела возле него, — меня

Ли́ка зовут. Я недавно тут живу. Мне Лавр Георгиевич говорил про вас. И на фотке я вас видела. Когда в гости заходила, — зачем-то стала оправдываться она, — у вас что случилось-то? Пойдёмте ко мне, умоетесь, расскажете, что произошло, может я помогу чем. Потом позвоним Лавру... Лавру Георгиевичу, вы не переживайте, мы с ним дружим, — Ли́ка покраснела, запнулась, а потом продолжила, — он мне рассказывал про вас.

Она потянула Антона за руку. Девушка казалась совсем молоденькой — худенькая, маленького росточка с невзрачными тонкими волосиками, топорщившимися во все стороны и глазками-пуговками, как у настоящей мышки. Но губы, даже без помады, были алыми и полными, и это придавало лицу необычную, какую-то трогательную сексапильность.

Антон, поднялся и поплёлся за Анжеликой в её квартиру. Послушно зашёл в ванную, вымыл руки и лицо. В зеркало перед умывальником не смотрел. Не мог.

Ли́ка, поставив на плиту чайник, доставала из навесного шкафчика чашки.

— Давайте попьём чая, и вы расскажете что произошло.

Антон зашёл на кухню, почти упал на предложенный стул и, опустив голову на уки, заплакал. Он сам не ожидал, что заплачет, но

напряжение которое держал в себе с момента, как он увидел перед собой свою тонущую в крови любовь, должно было найти выход, иначе его могло бы разорвать на мелкие части. Лучше бы разорвало — вытерпеть такую боль может не каждый.

Лица оторопело смотрела на него широко открытыми глазами, в которых не осталось ни капельки сна — она понятия не имела, что ей делать. Этот высокий спортивный парень, красивый и сильный рыдал, как маленький, всхлипывая и причитая:

— Её убили... понимаете, я любил её... а её убили... а я там был... и она подумала, что это я... а это не я... мы ребенка ждали... а теперь и он...

Голос его был низок и глубок и совсем не вязался с непонятным лепетанием.

«Надо же, кажется таким сильным, а на самом деле...» — мозг не закончил мысль — Лица не знала, какой Антон на самом деле. Она присела на краешек стула и, еле касаясь, погладила Антона по плечу. Противно защекотало в носу и она часто-часто заморгала своими серыми длиннющими ресницами.

— Если я вас правильно поняла: кого-то убили и вы оказались на месте преступления, да?

Антон, не поднимая головы, закивал ею.

— Это была ваша жена?

Он затряс головой из стороны в сторону.

— Невеста?

Утвердительная тряска.

— Это вы её убили?

Он посмотрел на неё с глазами полными ужаса и покачал головой: как ты могла такое подумать!?

— Ага... Хорошо... Я только не поняла, кто подумал, что это вы? Ну, да ладно, я сейчас попробую позвонить Лавру... Лавру Георгиевичу... Он, правда в Соединенных Штатах, дорого, но что уж тут поделаешь...

Лица нашла номер телефона в мобильном и стала нажимать кнопки на стационарном.

— Так дешевле, — объяснила она непонятно кому.

— Алё, алё, Лавр...Георгиевич, тут ваш друг... Антон. Пришёл. Да, пустила. Говорит, убили его невесту... Нет, не он убил, кто-то другой... но думают, что он. Что?... Когда?... А, хорошо. Нет, он не может... Он... немного расстроен... До свидания, Лавр...

И она положила трубку.

— Лавр Георгиевич сказал налить вам водки и положить спать. Он как раз летит домой. В Амстердаме уже. Утром будет здесь. У меня водки нет, так я пойду у Лавра... у него точно есть... неделю назад была... мы пили... за его

командировку. Лика опять покраснела.

Вернувшись с неполной, в её тонких пальцах, казавшейся огромной, бутылкой «Хортицы», она налила Антону полстакана «оковытой» и себе в маленькую стопку — не помешает — не каждую ночь тебя будят, чтобы сообщить, что кого-то убили. А тут такое. Постояла, подумала, надо чокаться или нет, и решив, что не стоит, выпила. Антон тоже не заставил себя долго уговаривать, выпил свою ударную порцию даже не заметив её крепости. Теперь он не плакал. Теперь он как будто закаменел. Круглое лицо было бледным и казалось неживым, большие светло-голубые глаза с опущенными внешними уголками, отчего казались грустными, широко открыты, а пухлый рот сжался в большую тугую розовую точку. Могучие плечи как-то сдулись, опустились. Руки безвольно лежали на столе.

Пока Лика стелила Антону постель, он дважды наливал себе ещё по полстакана «лечебного напитка» и выпивал залпом, как воду.

— Я вам там, на диване, постелила...

— Спасибо. Я домой пойду. Что я вас стеснять буду? Завтра приду.

— Антон, сейчас третий час ночи уже. Куда же вы на ночь глядя. Да и Лавр Георгиевич сказал, чтобы вы его дождались. Он уже летит.

— Ладно, спасибо. Вы... — Антон никак не

мог вспомнить её имя, — ложитесь. Я ещё посижу тут, подумаю.

— Хорошо, только не уходите, ладно? А то мне влетит, — добавила она, подумав.

Лица, пошла в свою спальню, долго крутилась, казалось, что и не спала вовсе, но её разбудил звонок в дверь. Не в свою дверь, в соседскую. Она глянула на часы — 6:08.

«Что ж это за наказание такое, все ходят и ходят, звонят и звонят, — подумала она, — хорошо, что сегодня суббота, на работу не идти, а то, как работать?»

Она на цыпочках прокралась к двери, бросив по пути взгляд сначала на диван, где никого не увидела — испугалась, потом в кухню — там все ещё сидел застывший Антон и, отодвинув с глазка задвижку заглянула в него. На площадке крутились двое здоровяков в милицейской форме. Сначала они звонили в дверь Лаврентия Ботана. Потом в соседскую слева. Там им тоже никто не открыл. Лица знала, там живет пожилая пара. Они уехали на выходные на дачу, ей оставили ключ на всякий случай. Наконец, милиционеры подошли к её двери. Девушка позволила вволю наиграться звонком — не открыла. Потоптавшись ещё пару минут защитники право порядка удалились.

«Быстро они», — подумала Анжелика, а вслух произнесла:

— Это милиция. Интересно, откуда они узнали, что вы знакомы с Лавром?

— Сегодня это не проблема, — глухо отозвался Антон из кухни.

— Ну да, ну да... Интернет и всякая другая современная технология. Понимаю.

— Почему вы не открыли? — спросил Антон не повернув головы.

— Не знаю. Наверное потому, что хотела, чтобы вы с Лавром сначала поговорили.

И вдруг Лика подскочила на месте — раздалась требовательная трель за её дверью.

— Наверное, услышали наши голоса и вернулись... теперь не отвертеться.

Она распахнула дверь:

— Лавр!

— Спасибо, Анжелика, — сказал он вместо приветствия, — Антон, идём ко мне.

А ты куда?

Лавр увидел, что девушка уже натянула домашние брюки спортивки, кофточку, вместо халата, и подходит вместе с его другом.

— Как куда? К тебе, — сейчас она даже не стала возражать, как это делала всегда, что Лавр назвал её полным именем. Она ненавидела своё имя.

— Нет. Нам надо поговорить вдвоем. По-мужски.

И они вышли.

Ах, вот как! Значит, когда пустить в дом незнакомца, хоть и вашего друга, Лавр Георгиевич, так вам Лика нужна. Как ночевать в моей квартире с человеком, который может быть убил свою невесту, так тоже ничего. А кто сказал, что он не убивал? Он сказал? Мало ли, что он сказал. Значит, когда вам надо, так Лика, будь добра, а как узнать, что происходит, так по-мужски? Ничего у вас Лавр Георгиевич не получится.

Она вышла из своей квартиры и уверенно, позвонила в соседскую дверь.

— Я вам кофе сварю, пока вы разговаривать будете, — проговорила она скороговоркой, как только хозяин открыл дверь, протискиваясь под рукой Лавра в коридор, — кстати, милиция уже к тебе тоже приходила, так что, если хотите поговорить, то никому не открывайте. И не называй меня Анжеликой, — добавила она шипя.

И девушка, прислонившись к двери спиной, захлопнула её.

Лавр — высокий, статный посмотрел на Анжелику через стекла стильных круглых очков (все ботаники — очкарики) большими темно-кариими глазами сверху вниз.

Внешне, прямая противоположностью своего друга. Смуглолицый. С короткой стрижкой темных, почти черных волос. На узком лице волевой

подбородок, упрямые, четко очерченные губы и совсем не маленький, но правильной формы нос.

— Пожалуйста, Лавр. Я не буду мешать. Я только сварю вам кофе. В конце-концов имею я право знать, с кем провела ночь.

— Ты с ним провела ночь?

— Ну, не совсем провела... вернее, провела, но... — смутилась девушка, сжалась и от этого ещё больше стала похожа на маленького мышонка, — просто спали вместе... нет, не вместе, конечно... вообще, какая разница — имею право знать, и точка.

— Кухня там, — бросил Лавр усмехнувшись, и пошёл в комнату, где его ожидал Антон.

Комната молодого профессора больше напоминала библиотеку. Книги на полках в два ряда достигали потолка. Большой стол завален бумагами, папками, дисками. Журнальный, возле стильного, по последней моде, дивана на котором страдал его друг Антон — журналами.

— Ну, рассказывай, — глубокий баритон Лавра успокаивал.

Семейка Шмидт

Под истошный вой Аллы Владимировны в комнате материализовались родственники убитой и вскоре там начался настоящий Армагеддон. Первым на крик прибежал Борис Моисеевич — депутат городского совета и муж Аллы Владимировны по совместительству. Он же был отцом убитой.

— Что? Что? Что случилось?! Быстро вызывай скорую! — привыкший командовать, кричал он.

Из дальней спальни второго этажа выползла сонная девица, шея и плечи которой были покрыты татуировками.

— Ну вот, вышла замуж, — ядовито бросила она, — за Господа. Хотя он её вряд ли в невесты возьмёт, беременную, а? А я ей говорила...

— Заткнись Марина. Хоть теперь прояви к сестре сочувствие, — слышалось с лестницы.

Наконец, из комнаты первого этажа выехала в инвалидном кресле пожилая дама. Она, видимо спала. Даже привычный плед не покрывал её худые ноги. Старуха медленно обвела взглядом всех действующих лиц сцены. На мгновение дольше взгляд её задержался на Алле Владимировне.

— Полицию вызывайте, — сказала она вздохнув, — скорой тут уже делать нечего.

— Девочка моя! Доченька! — вопила Алла Владимировна, заламывая руки, — говорила я тебе-е, брось этого белобрысого-о... убийцу-у-у...

— Скорую! Скорую! Да позвонит же кто-нибудь в скорую, в конце-концов? — тяжело тупая по ступеням грузными ногами, кричал Борис Моисеевич, спускаясь вниз.

— Она что умерла? Умерла? Да? И-и-и-и, — завизжала, видимо наконец проснувшись, татуированная особа.

И только пожилая дама а инвалидном кресле, сохраняла спокойствие. Нет смысла истерить, бедной девочке уже ничем не поможешь. С сожалением посмотрев на убитую, она подкатила себя к телефону и нажав 0-02 стала ждать.

— Алё, с вами говорит Шмидт Нинель Георгиевна. У нас в доме, по ул. Шевченко, 20, произошло убийство, — с достоинством отрапортовала она, — нет, не знаю, кто убил. На то вы и милиция, чтобы разобраться... Откуда знаю, что убийство? Ну, не могла же моя внучка проломить сама себе голову, да так, чтобы умереть. Да вы, молодой человек, лучше приезжайте, или пришлите кого, и сами все увидите.

И она мягко опустила трубку на рычаг.

Милиция ждать себя не заставила и обнаружила семейство, стоящими хороводом вокруг трупа. Кровь из виска больше не

пульсировала и уже не только пожилой даме в инвалидном кресле было понятно, что скорая помощь тут более не нужна.

— Это сделал её жених, Антон Гаевский, — сразу же выпалила Алла Владимировна, как только бригада из четырех милиционеров вошла в дом, — я его видела здесь. Я застала его на месте преступления. Ой, девочка моя-а-а-а...

— Тише, тише. Все присядьте на диван, вон туда, — приказал сидящий, невысокого роста в не слишком опрятном костюме мужчина. Из костюма выпирал довольно внушительный животик, выдающий в нем любителя пива. Симпатии в собравшейся публике этот человек не вызывал.

— Капитан милиции Борейко Александр Иванович, — представился он, — пока наша команда разберется здесь с отпечатками и телом, давайте мы с вами побеседуем, где-нибудь в укромном уголке.

Голос его совершенно не вязался с внешним видом, был глубоким, тихим и даже ласковым, — есть у вас укромный уголок? Можно на кухне, — не дожидаясь ответа тут же предположил пузатый Борейко.

Семейство, как загипнотизированное сидело на диване и не шевелилось.

Присутствие мертвого тела в холле их дома завораживало, лишало воли. А может, потому, что

был второй час ночи и всем уже давно хотелось лечь в постель, никто не шелохнулся.

— Я, я его видела, он тут стоял, — опять заистерила Алла Владимировна.

— Вот, с вас и начнем.

Пару часов допросов и Борейко показалось, что он знает семейку Шмидт, как облупленных. Он, конечно, знал о существовании этой семьи и ранее. Александр Иванович был патриотом своей страны и своего города, всегда ходил на выборы и знал, что Шмидт Борис Моисеевич является депутатом городского совета и баллотируется в мэры города. Борейко следил за развитием событий с болью и искренне старался быть полезным Родине. Он даже собирался съездить в Киев, на Майдан куда народ вышел потребовать у президента ответа, но все было недосуг — много работы.

Борис Моисеевич был человеком образованным. До выборов его в депутаты городского совета владел книжным бизнесом, который передал своему сыну от первого брака, Валерию. «Кстати, а где он? Надо будет выяснить», — положил себе в мыслях закладку Борейко. Алла Владимировна — вторая жена, домохозяйка. Когда-то была эффектной и очень сексуальной: грудастой, длинноногой блондинкой, красовавшейся на первых обложках гламурных

журналов. Но замужество на пользу ей не пошло. Родив двух дочерей, располнела и теперь представляет надёжный тыл своему амбициозному мужу.

Дочь Марина — продукт современной продвинутой и свободного мышления. Несколько лет назад она бросила институт, не доучившись и пошла по стопам матери в модельный бизнес. Теперь подвизалась на ниве татуажа и боди арта в одном из небольших Спа-салонов, которые, как инкубаторские цыплята вылуплялись из трехкомнатных квартир на первом этаже.

Её сестра Алина — умница и надежда семьи, заканчивала университет. Вот, только замуж собиралась за человека ей совсем неподходящего, и это, похоже, стоило ей жизни. Убийство на почве ревности? Может быть. Выглядит спонтанным, непредумышленным. Толкнул, она ударилась виском об угол стола. Испугался того, что совершил. Удрал. Похоже, что так оно и было...

Алла Владимировна все время плакала, причитала и требовала, чтобы арестовали этого противного Антона Гаевского. На вопрос, что она делала в момент убийства, она указала на своё лицо, на котором ещё зеленели остатки не впитавшейся маски, и с возмущением спросила:

— А вы что, не видите? Не просто быть женой

мэра.

У Борейко зачесался язык сказать, что её муж ещё не был выбран мэром, возможно, что и не будет после убийства-то, в его доме, но промолчал. Мудрый дядька.

— А вы не слышали ссоры? Криков? Или может ударов?

— Они все время ссорились и ругались. Он не подходил ей ни по одному пункту.

— А что же это за пункты? — поинтересовался следователь.

— Их несколько. Но главное — это интеллект, и политические убеждения, ведь он собирался стать членом семьи мэра города, — не унималась Алла Владимировна.

Александр Иванович вздохнул. Он искренне считал, что замуж следует выходить по любви. Единственная сила, которая может удержать двух людей, различных по любым пунктам, и даже по интеллекту и политическим убеждениям — это любовь.

— Как вы думаете, Алла Владимировна, Антон любил Алину?

— Тоже скажете. Какая любовь? Он хотел стать зятем мэра. Вы что, не понимаете?

— Зачем же ему тогда убивать свою невесту?

— Потому что Алиночка хотела его броси-и-ить, — ещё громче заголосила будущая

мэрица, отчего её зеленая засохшая маска стала крошиться, отпадать кусочками от лица, и бедная женщина стала походить на вышедшего из могилы зомби.

От Бориса Моисеевича следователь узнал, что он вовсе не возражал против этого брака. Конечно, он хотел бы для своей дочери мужа с более высоким общественным положением, но его рейтинг настолько высок, что он не нуждается в поддержке, которая бы стоила его дочери жизни. Более того, даже это замужество могло сыграть свою положительную роль — страна настроена на укреплении независимости Украины и развитии национального достоинства. Но самое главное, Алина была его любимой девочкой и единственное, чего бы он для неё желал, так это счастливой жизни. То, что это было сказано в самом конце речи депутата, Борейко запомнил, но значения этому не придал. В умах поколения, возвращенном в Советском Союзе крепко сидел вбитый стереотип: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». И все было бы правильно, если бы Родина поступала также: сначала бы думала о людях, а потом о «себе».

Да, голоса в коридоре Борис Моисеевич слышал. Чьи голоса? Не понял. Когда люди разговаривают на повышенных тонах, они часто

переходят на фальцет. И звук какой-то странный был. То ли удар, то ли упало что. Только не придал он этому значения. Занят был. Чем занят? Государственная тайна — не имеет права обсуждать.

От татуированной девицы двадцати шести лет, пользы вообще не было никакой.

«Нет, ничего не слышала, и не видела — спала. Замужество сестры? А какое мне до этого дело. У меня своя жизнь, не зацикленная на стереотипах. И, кстати, вот к чему её воспитанность и образованность привели». Тусовалась там на своем Майдане с националистами. Вот и результат.

— А что, Антон был националистом?

— А как же. Он же на украинском языке разговаривал. Принципиально.

— Почему принципиально? Может это его родной язык. Французы на французском языке разговаривают, англичане — на английском. Мы в Украине живем...

— А, так вы тоже националист, — разочарованно бросила напоследок Марина, и поднялась.

И только допрашивая Нинель Георгиевну Шмидт, Борейко понял: не всё так просто в этой семейке.

— Не мог Антоша убить Алинку, — качая

головой, проскрипела старушка.

— Почему? — удивился следователь.

— Не мог. Он любил её. Они ребенка ждали.

— Я заметил, — вздохнул он, — А почему они до сих пор не расписались? Ведь срок-то уже приличный был. Антон что, не хотел жениться на Алине? Или Борис Моисеевич возражал?

— Антон-то как раз хотел. Боря, хоть и не одобрял этот брак, но он любил дочь и желал ей счастья. Тем более, что он нашёл способ использовать этот брак в своей политической игре на выборах.

— Тогда почему?

— Алла воду мутила. Антон родом из сельской местности. Из западной Украины. Разговаривал *чистою украинскою мовою*. Красивая речь у него была. Он из интеллигентной семьи, у парня высшее образование. Трудолюбивый, и Алинку нашу он любил. А Алла... она сама из сельских. Не любила, когда ей напоминали об этом.

— Вы думаете, Алла Владимировна могла убить свою дочь из-за того, что она замуж не за того человека собралась?

— Не знаю. Может могла, может и нет. Но разрушить эту свадьбу ей очень хотелось. И у неё чуть не получилось.

— Расскажите об этом поподробнее, пожалуйста, Нинель Георгиевна.

Александр Иванович придвинул свой стул поближе к креслу старушки и, оперевшись локтями на свои колени, подался вперед, всем видом давая понять, что он весь внимание.

— Да, никакого секрета тут уже давно нет. Все об этом знают. Это было пару недель тому назад. Алла уговорила одного хлыща из высшего, как они утверждают света, отбить Алинку у Антона и жениться на ней.

— А имя у хлыща есть?

— Конечно. Да вы его, наверняка знаете, — старая женщина ухмыльнулась одними губами, — у кандидата в женихи отец владеет контрольным пакетом акций Укрэкспром и поддержка мэра города его отцу совсем не помешала бы.

— Уж не Олега ли Кивалова вы имеете в виду.

— Его родимого... его...

— Так он же сплошное разочарование для своих родителей. Если б не они, он бы из бутылки не вылез. Разве такого мужа мать может желает своей дочери?

— А ей-то что? Она уже давно возомнила себя «мэрицей», простите мне мой сарказм, спит и видит приемы и восторги. Подозреваю, что даже если она и станет женой мера, то будет сильно разочарована в той роли, которую придётся играть.

— И Олег что, согласился? — поинтересовался Борейко, хотя и так было понятно,

что должен был согласиться. Таким образом он мог бы «прогнуться» перед своим отцом и восстановить хотя бы частично потерянную любовь родителей.

— А как же. Только...

— Только что?

— Да, ничего у Аллы не вышло. Она организовала встречу тет-а-тет Олега с Алиной и сообщила об этом Антону. Тот, естественно, пришёл проверить. Естественно, «застукал» невесту на горячем. Естественно, рассердился и поругался с Алиной. И даже, по-моему, врезал Олегу.

— Так, может и правда, на почве ревности Антон убил Алину?

— Да, что вы! — грустно рассмеялась старушка, — Алинка потерпела денёк, а потом побежала к Антону объясняться.

— Объяснилась?

— Объяснилась.

— И что, Антон поверил?

— Конечно. Я же вам говорю, он любил Алину. А значит хорошо знал её.

— А почему через день-то? Почему не сразу? — задал неожиданный вопрос Борейко.

— Ну, так, дала Антону денёк, для того, чтобы успокоился. Чтобы осознал, что не могла она его предать. Она ведь тоже его любила, и он знал об этом.

— Умная девочка, — Борейко пригладил

рукой жидкие волосы на затылке.

— Вот и я говорю. Что-то тут не так, — вздохнула старушка и повела плечами.

— Ой, простите, — спохватился пузатый следователь, — вам наверное, холодно.

Спасибо вам большое за беседу. Давайте-ка я вас в вашу комнату доставлю, — Борейко поднялся, взялся за ручки инвалидного кресла и повез старушку в её комнату.

— А вот и мои хоромы, — улыбнулась Нинель Георгиевна, — вы меня поближе к кровати доставьте, пожалуйста.

Александр Иванович обвел комнату взглядом. Просторная, уютная и чистая. На полу мягкое, оливкового цвета покрытие. На стене возле кровати ковёр с абстрактным, довольно ярким рисунком. На противоположной стенке множество фотографий в старинных резных деревянных рамках.

— Это вы? — спросил Борейко, указывая на портрет красивой изысканной молодой женщины.

— Да. Мне тут почти сорок.

— Что вы говорите! — удивился следователь, — я бы вам и тридцати не дал.

— А это кто?

— А это мой муж, царство ему небесное. Уже шесть лет, как наблюдает за мной с небес.

— Господи, вы только посмотрите, какая замечательная фотография! — воскликнул Борейко

восхищенно, указывая на фото, на котором молодой ещё мужчина с большими карими, чуть навывкате глазами, в военном кителе и фуражке держал на руках девочку. Её темные кудрявые волосики растекались по плечам, а глаза выдавали родственные отношения с мужчиной, который держал её на руках. — Старинная...

— Не такая уж старинная. 41-й год. Мне тогда лет семь было.

— Это ваш отец?

— Да. Последняя фотография, где мы вместе.

— Как у вас тут хорошо, — восхитился Борейко, стараясь сменить тему — незачем огорчать старушку на ночь глядя. Он еще раз обвел комнату взглядом. Залюбовался экибаной из сухих цветов и веток, уютно примостившейся на тумбочке у кровати, которая была выполнена в свежих зеленых и сиреневых тонах. Что-то было в этой экибане странное, выпирающее их общего фона, но Борейко не мог понять, что именно — он не разбирался в подобного рода искусстве, поэтому сразу перестал об этом думать. — Это вам Алина такую красоту смастерила?

— Да, Алинка помогала мне поддерживать порядок. Теперь даже не знаю, как все будет.

— Алла Владимировна организует вам помощь, я в этом уверен, — или Марина. Спокойной вам ночи, Нинель Георгиевна. Пошёл я

думать. И Антона искать. Наверняка попытается сбежать. От страха, — помолчав, добавил он.

Триединый союз

Свой рассказ Антон начал издалека.

— Ты помнишь, Лавр, когда я встретил Алину? Это было больше года назад. Я делал себе татуировку. Ходил туда несколько дней. А однажды, она пришла тоже. Я её увидел и всё, «умер». Ну, ты помнишь... Я тогда думал, что она тоже пришла тату себе делать, стал отговаривать. Оттуда ушли вместе и с тех пор...

— Да ты не тяни kota за хвост, — прервал его Лавр, — я всё это помню, да и к делу это по-моему отношения не имеет. Ты рассказывай, что случилось вчера.

— Ты, не понимаешь, Лавр! — стал горячиться Антон, — все это очень даже относится к делу. Ты должен понять, не мог я её убить! Не мог!

— Я это и так знаю.

Лица не знала Антона так же хорошо, как Лавр. Она поинтересовалась:

— А, зачем Алина пришла в салон, если не собиралась делать тату?

— Она к сестре приходила. Там её сестра работает. Она мне и писала... то есть, татуировку

делала.

— А что написано у вас? Показать можете?

Лавр удивленно посмотрел на соседку, смешно выпучив глаза.

— Ты обещала не мешать, — возмущился Лавр, и повернувшись к другу приказал: давай рассказывай, что произошло вчера.

— Ладно... — Антон потер большими ладонями своё лицо, — я вчера целый день занят был на работе. Надо было закончить писать программу. Знаешь, у айтишников, как и у профессоров бывают не нормированные рабочие дни. Засиделся до ночи. Вообще собирался остаться на ночь на работе, чтобы закончить всё. Но, где-то в пол одиннадцатого позвонила Алина. Она была чем-то очень расстроена и спросила, может ли она переехать ко мне до свадьбы? Дело в том, что мы договорились, что она переедет ко мне только, как жена.

— Ну да, теперь это важно, после того, как она забеременела. На каком то-бишь она месяце была?

— Анжелика! — повысил голос Лавр.

Антон удивленно посмотрел на, опустившую глаза девушку, но ничего ей не сказав, продолжил.

— Четыре уж было... Да, глупо все это, я понимаю, но так Алина хотела, — он с надеждой на понимание, посмотрел на Лику.

— Знаешь, Лавр, женщины не всегда ложатся с мужчинами в постель в первое свидание и вешаются мужчине на шею, как только забеременеют.

Ботаник в упор уставился на, девушку, но она вдруг с интересом стала разглядывать потолок.

— Кха-кха, — Лавр попытался оторвать внимание Лики от потолка, но было там что-то очень интересное, и она стала разглядывать его с еще большим вниманием, — продолжай, — бросил он, поворачиваясь к Антону.

— Так, посмеялся я и спросил, может ли это подождать до утра? Но она стала плакать. Ты же знаешь, Лавр, я не могу, когда Алинка плачет... я сказал, что сейчас приеду и заберу её.

— Ну, и ты поехал...

— Поехал, — вздохнул Антон.

— На метро?

— Да, я... выпил...

— Дальше что было?

— Я вошёл... нет, вбежал... влетел в дом, а она в холле... лежит на полу... в крови...

— Ты сказал, что тебя видел кто-то? — снова не выдержала Лика сжавшись от взгляда, которым удостоил её сосед.

— Да, Алла Владимировна, её мать.

— Странно... И ты, ничего не слышал, когда

входил, никого не видел? — тормозил друга Лавр, видя, что Антон обессиленно опустил руки и согнулся, как будто на него положили камень весом с тонну.

— Да, я вообще ничего уже не соображал. Она же плакала, понимаешь, плакала!

— Да, понимаю я, понимаю, не тупой. Профессор все-таки.

Лица поднялась из кресла и пересев на диван к Антону, стала гладить его по плечу.

— Скажите, Антон, а может кто-то выходил из дома в этот момент? Вы ни с кем не столкнулись?

Антон закатил глаза, вспоминая.

— Нет, не столкнулся, хотя...

— Что? — Лавр и Лица обнадеживающе уставились на него.

— Ну, не знаю... машина, вроде какая-то отъехала.

— Та-а-ак, — протянул Лавр, — ни номера, ни марки ты, конечно, не заметил.

— Какая марка, Лавр? — заорал Антон, — какой, к чёрту, номер! Я же не знал... потом... темно же было.

Антон сник. Сдулся. Как проколотый большой воздушный шар, — а потом я кровь увидел... на руке, — закончил он совсем тихо.

— А откуда кровь взялась на руке? —

оживился Лавр.

— Так, угол стола в крови был. Я на него оперся, когда тело... Алинку увидел — голова закружилась.

— Та-а-ак, — опять протянул Лавр, помяв рукой подбородок, — надо идти в милицию и все им рассказать.

— Ты что!? — испугался Антон, — они же сразу меня посадят!

— Не посадят. Ты же не убивал? Разберутся и отпустят.

Лица, посмотрела на соседа с сочувствием.

— Ты чего на меня так смотришь, как будто я душевно больной? — разозлился он, — полиции надо все рассказать, потому, что неизвестно, что там наговорят её родственники. А что, если это кто-то из них? Они же сейчас, Антоху в убийцу и запишут.

— Вот именно, — Анжелика стала собирать пустые кофейные чашки, — ты вот даже нашу милицию полицией обозвал. Лавр, это тебе не Америка.

— И что ты предлагаешь?

— Предлагаю Антона пока спрятать, а самим найти убийцу.

— Найти убийцу? — Лавра аж подбросило от возмущения, — ты что знаешь, как искать убийц? У тебя есть хоть какие-то профессиональные навыки

следователя? Ты, хоть имеешь представление, как ведутся расследования, сколько всего надо знать и уметь?

— Я не знаю. А вот ты, похоже знаешь. Или можешь узнать. Ты же профессор.

— Я — профессор биологии, Анжелика. Я — ботаник.

— Ботаники тоже умные бывают. И не называй меня Анжеликой! — вдруг разозлилась девушка и скрылась в кухне.

Антон с удивлением посмотрел на друга.

— Не обращай внимания... — ответил Лавр, — так, сейчас тебе надо поспать. Поживешь пока у меня. Если полиция, тьфу, милиция больше ко мне не придет, останешься пока мы что-то не выясним. Все рано больше идти некуда... Я пока подумаю, что можно сделать и к кому обратиться. Если поли... милиция придет, не сопротивляйся, чтобы не сделать хуже. Я уверен, что правда рано или поздно откроется.

— Лучше рано, — непроизвольно пробасил Антон.

— Конечно лучше рано, — рассердился хозяин квартиры, — лучше, чтобы этого вообще не было.

И тут за дверью взорвался звонок.

Борейко идет по следу...

— Ну, вот и все, — разочарованно протянул Антон.

Лавр посмотрел на друга с сочувствием и пошёл открывать дверь. Лика выбежала из кухни за ним.

— Не открывай, — шипела она, — не открывай...

Но было уже поздно.

— Здравствуйте. Лавр Георгиевич? — произнес небольшого роста, очень уставшего и несколько растрепанного вида, мужчина.

— Здравствуйте, — ответил Лавр, отрывая дверь пошире и пропуская мужчину в квартиру, — да, это я.

— Что, вот даже не спросите, кто я и зачем пришёл? — удивился визитер.

— Глядя на ваш вид, понятно, что вы не спали всю ночь. И поскольку ваши люди уже побывали здесь, то я не вижу смысла зря сотрясать воздух пустыми вопросами. Скажите, как к вам обращаться и давайте не будем доставлять друг другу неприятностей.

— Ваша подруга, кажется, совершенно другого мнения, — улыбнулся Борейко, глядя, как Лика мечет глазами молнии.

— Анжелика не моя по... она соседка, —

стушевался Лавр, — мы тут обсуждали...
Проходите, пожалуйста...

— Александр Иванович Борейко, —
представился наконец следователь, — мне
поручено расследовать... обстоятельства смерти
Алины Шмидт.

— Проходите, Александр Иванович.
Анжелика, свари нам, пожалуйста, ещё кофе. Или
вы чай? — Лавр упорно называл девушку её
полным именем.

— Нет-нет, кофе было бы хорошо.

Борейко прошёл в комнату и придвинув стул,
сел на него напротив совсем поникшего Антона.

— Что ж ты, Антон... заставляешь меня
старика за тобой гоняться?

— Так... испугался я, — прохрипел парень,
похожий на огромного поникшего ангела. Потом
прокашлялся и повторил, — я испугался.

— Оно и понятно, — согласился Борейко,
делая маленький глоток ароматного кофе.
Зажмурился от удовольствия, — хороший кофе. Из
Америки?

— Да, — кивнул Лавр, — люблю этот брэнд
Peet's Coffee, а у нас его нет. Вот и вожу.

Лица расставила чашки с темно-коричневым
напитком остальным и уселась на диван рядом с
Антоном.

— Ну, рассказывайте Антон. Что произошло?

Что вы видели? Что слышали?

— А что вы меня в тюрьму садить не будете? — искренне удивился он.

— Ну, если ты убил, то посажу. Обязательно посажу. А пока я хочу знать, что произошло.

Антон обвел взглядом друзей. Лавр посмотрел на Лику, как будто хотел сказать:

«Ну, а что я говорил». Она уставилась на глупые розовые помпоны своих домашних тапочек. Сейчас они ей показались ещё глупей, чем всегда. Поэтому она промолчала.

Антон повторил свой рассказ для Борейко. Следователь задал несколько дополнительных вопросов, на которые получил ответ. Удовлетворительно покивал головой и кряхтя, встал.

— Слушай меня внимательно, Антон Юрьевич. По всем правилам, я должен был бы посадить тебя сейчас в следственный изолятор. Но я не думаю, что ты настолько глуп, что убил Алину, да ещё и дал себя обнаружить на месте преступления с вымазанными кровью руками. Кажется мне, что если бы ты захотел убить, то мог бы это сделать это тогда, на своем Майдане, в суматохе, где не поймёшь кто кого убивал. И чего вас туда понесло? — добавил Борейко непонятно для кого.

— Так, сколько можно было людей

обворовывать! — закипел Антон.

— Цыть! — прикрикнул на него следователь, — ишь, революционеры выискались. Значит так, вот тебе подписка о невыезде. Подписывай. Сидеть дома. И по первому требованию ко мне. Ясно?

— Ясно. Спасибо вам, Александр...

— Иванович, — подсказала ему Лика.

— Спасибо вам, Александр Иванович, повторил Антон, а к друзьям... к Лавру заходить можно?

— К Лару Георгиевичу можно, — согласился Борейко, — только на связи быть. Телефон не отключать. И чтобы никаких мне «батарейки разрядились», понял?

— Понял.

— А по большому счету, Алинину бабушку благодари, Нинель Георгиевну. Она не верит, что ты убил. Убедила меня... пока...

— Спасибо за кофе, — выдохнул Борейко выходя из комнаты и пошаркал к выходу. Дверь тихо закрылась и застывшая тройца услышала, как заработал лифт.

Фуууухххх...

Любовь и бизнес

В тот же день, получив нагоняй от начальства за то, что не определил главного подозреваемого в следственный изолятор, следователь отдела «особо важных дел», Александр Иванович Борейко, приступил к расследованию. Он действительно считал, что хоть все доказательства свидетельствуют против жениха убитой, но их слишком много, и они черезчур уж очевидны. Сбрасывать со счетов эту версию конечно не стоит. Может он специально так поступил. В конце-концов, время смерти совпадает по времени, когда он там был. Да и сам Антон свидетельствовал, что кровь ещё вытекала из раны.

Борейко поднял трубку телефона.

— Свидетельница по делу Шмидт явилась? Пусть заходит. Марина Борисовна, проходите, — обратился он к входящей молодой особе у которой можно было видеть татуировку несмотря на то, что на дворе был декабрь, и все тело её, кроме лица было закрыто одеждой. Со лба к уху спускалась надпись в виде стрелки «они хотят слушать только о любви», гласила она.

Если б моя дочь сотворила с собой такое, я бы выжег ей это каленым железом без анестезии, — подумал Борейко. Вообще-то Александр Иванович совсем не был столь кровожадным, просто считал

татуаж «привилегией» заключенных, то есть преступников. Он пожевал зубами своё раздражение, проглотил его и, когда поднял лицо, чтобы посмотреть на посетительницу, оно было милым.

— Присаживайтесь, Марина Борисовна.

Она упала на стул, закинула ногу на ногу и оперлась локтем о стол.

— Ну?

— Простите? — Борейко испытывающе смотрел на сестру погибшей. Ни грустинки.

— Зачем вызывали? Я же вам все рассказала.

— У меня к вам возникло ещё несколько вопросов, позволите?

— Ну, — опять произнесла дочь будущего мэра города и уставилась на следователя.

Господи, прямо классика, — внутренне усмехнулся Александр Иванович, — вылитая современная Эллочка-людоедка из всем известного Ильф-Петровского произведения «12 стульев». Но я же не глупей этого авантюриста Остапа Бендера, раз он сумел поговорить с особой владеющей несколькими междометиями, то я, наверняка, справлюсь тоже.

— Скажите, Марина Борисовна, а вы сестру свою любили?

— Ну, — закатила глаза Марина Борисовна.

И Борейко уже испугался, что так и будет

довольствоваться одним единственным «ну», — но дочь будущего мэра, пережевав жвачку с одной щеки за другую, продолжила, — любила, конечно. Зашоренная была дурочка, но сестра все-таки.

— Да? — удивился Борейко, — а в чем вы видели её зашоренность?

— Ну, как же, жила так, как наши бабки-дедки жили. Училась, влюбилась, женилась... Сегодня надо в ногу со временем идти, а она... чулок... синий.

— Но она ж, вроде, и компьютером хорошо владела и одевалась по-современному...

— Шо? По-современному? Джинсы, топик да шубейка кроличья. Это вы называете по-современному?

— И с парнем вот, до свадьбы... строила свободные взаимоотношения.

— Да. Парня она, конечно отхватила классного. Хотя он её трахнул... Красавчик.

Боди знаете какое? Сплошные маслсы. Ничё, шо бе ндеровец. Если б не Алинка, я б ему быстро мозги-то вправила. А то, они там на своем долбанном Майдане совсем свихнулись. Чё, плохо жилось, что-ли? Я вот, как раньше жила, так и теперь живу, ничего не изменилось.

Борейко подумал, что не у всех отцы — депутаты. Не все могут обеспечить своим детям собственный бизнес и безбедное существование, но

ничего не сказал. А вместо этого спросил.

— А вы что знали Антона до того, как Алина с ним познакомилась? Видели его... ммм... раздетым, знаете какая у него мышечная система? — стараясь не проявить сарказма, все же хохотнул следователь.

— Ну да. Он же к нам в салон приходил, — не заметила поддевки Марина, — я ему тату знаете какое забацала?

— Какое?

— Классное!

«Мда, невелико все-таки отличие от Элочки,» — следователь поскреб затылок.

— Ой, какой же вы... я же ему на плече писала. Для этого и раздевался. Придурок. Мало того, что херню всякую пишет, так ещё и в эту клушу влюбился.

— А что для этого надо было совсем раздеваться?

— Ха! — Марина посмотрела на Борейко с сожалением, — если бы он совсем разделся, думаете я не смогла бы его оприходовать? — она прерывисто вздохнула, — до пояса, до пояса раздевался. Но маслы ж видно.

— Похоже вам нравился Антон Гаевский, — заключил Александр Иванович.

Марина опять вздохнула, но на этот раз медленно, глубоко.

— Так он же сначала в меня влюбился. Цветы приносил, конфеты.

— Что, и на свидание приглашал?

— Ага, щас, — Марина пережевала жвачку в обратном направлении, — тут моя сестрица нарисовалась и все мне перегамняла.

— Так вы же говорили, что Алина не делала тату. Зачем же она приходила?

— Мобильник мне притащила. Я его дома забыла...

— Не судьба значит, — вздохнул Борейко.

— Почему же? Теперь же он свободен... — хвастливо выпалила Марина и осеклась.

— Вот и я о том же... Скажите Марина, что вы видели и слышали в тот вечер?

— Ничего.

Марина опустила голову, стала разглядывать острый носок ковбойской сапожки, явно доставленной из какого-нибудь «Техаса», — говорю ж, спала.

Потом она посмотрела на следователя исподлобья и вздохнула:

— Ладно, слышала, как к отцу Валерка приезжал, денег просил. Отец орал на него. Он же ваще муфлон...

— Кто, ваш отец?

— Нет, Валерка. Отец ему бизнес свой оставил. Нет, чтобы мне, я бы из него знаете какой

бы Сра отгрохала. Баксы лопатой гребли б.

— Так у Бориса Моисеевича же книжный бизнес был, не так ли?

— Ну и что? Главное здания и бабки, а перевернуть с одного на другое, как два пальца об асфальт... А этот муф... братец, ни кует ни мелет... все проср... ну, в общем плохо там всё, с бизнесом.

— Отец помог деньгами?

— Нет. Сказал, что как только Алинка замуж за Антона выйдет, он им бизнес передаст.

— Так-так-та-а-ак... — протянул Борейко.

Сколько тут все как-то, во взаимоотношениях. Вот вам сразу два мотивчика вырисовалось: один от Валерия Борисовича — с Антоном Валерию явно не справится, а нет Алины, нет свадьбы, нет Антона. И другой от Марины Борисовны — Алины нет, Антона прибираем к рукам, а заодно и папин бизнес. Вот вам и родственнички, вот вам и семейка Шмидт.

После всех необходимых процедур и подписей Борейко отпустил свидетельницу, закрыл папку, куда аккуратно сложил документы, вышел на улицу. Он спустился со ступеней управления во двор, но не успел сделать и двух шагов как ноги его подбросило какой-то силой вверх и он опустился на пятую точку, больно ударившись этой самой точкой и локтем.

Он смешно сел растопырив колени и осмотрелся. Вся поверхность улиц блестела и отражала судорожно, переступающих мелкими шагами людей.

— Товарищ капитан, вам помочь?

— Помоги, помоги, Головко, — прокричал Борейко, пытаясь подняться, но не удержался, поскользнулся и рухнул опять на лед, на этот раз, растянувшись во всю длину своего тела. Рядом с ним, смешно дрыгая ногами, катался на спине и Головко.

— Гололёд, товарищ капитан.

— Отож... гололёд, — подтвердил Борейко, справившись наконец со скольжением и поднимаясь во весь рост, — гололёд. Не знаешь, где поскользнешься и брякнешься. Вот, думаешь мыслишь правильно, стоишь на ногах крепко, а на самом деле — скользко... гололёд.

Личная трагедия Анжелики Зозули

Антон спешил на работу. Там никого не интересуют ни твои проблемы, ни твоя усталость, ни твое горе. Взятся выполнить задание — будь любезен.

— Я после работы домой, — сообщил он своему другу уходя, — спасибо тебе, и вам, Лика,

спасибо. Или Анжелика? Мне показалось, что Лавр вас Анжеликой называл.

— Да, мое полное имя Анжелика. Но я не люблю его. Мне Лика больше нравится.

— Да? А мне очень нравится. Вам подходит... У моей мамы диск есть с фильмами «Анжелика и король», «Анжелика — маркиза чего-то там...»

— Ангелов, — подсказала ему смущенно, девушка, и посмотрела со значением на Лавра.

— Ладно тебе, — пришёл на выручку ей сосед, — иди уже. Звони если что, ладно?

— Ладно.

Выйдя из подъезда Антон зажмурился. Солнце сияло вовсю, но сияло не только само солнце. Сияло его отражение в каждой замерзшей луже и лужице.

— Ничего себе, — промямлил Антон, и ступил на неустойчивый скользкий тротуар. — Завтра, или нет, послезавтра, обязательно зайду к Нинель Георгиевне, поблагодарю её за то, что от кутузки спасла. Повезло Алинке с бабушкой. Если б мне такую бабушку, а то, вот же напасть, ни одной бабули не осталось, только один дед... невезучий я какой-то. И он, шаркая ногами по скользкой поверхности двинулся к автобусной остановке.

Лика не спешила покидать квартиру соседа, а

он её не торопил. Напротив, постояв несколько секунд, он мечтательно процитировал Жигловское из всем известного сериала «Место встречи изменить нельзя»:

— «Щас бы супчика, да с поторошками», — а потом добавил уже от себя, — сварганишь а, соседка?

— Совсем не проблема. Я принесу, у меня дома есть. Я к твоему приезду... — вдруг осеклась она.

— Ждала?

— Да нет. Просто сварила. Себе. И Антону...

— Понятненько, — ухмыльнулся Лавр, — ну, тащи свой супчик.

Пока Лика бегала за супом, Лавр открыл свой чемодан, который так и стоял в углу не распакованный, достал из него гляцевую коричневой коробку размером чуть меньше обувной и понес её на кухню. Поставил две глубокие тарелки, два тонких богемского стекла бокала, положил ложки, вилки и стал ждать.

Анжелика появилась минут через двадцать. Да, в руках прихватками она держала небольшую кастрюлю, но вместо домашних спортивных и футболки на ней было безукоризненно сидевшее темно-фиолетовое платье, с сиреневым ажурным воротничком. На ногах в цвет воротничка, элегантные «лодочки». Волосы она успела

отгладить утюжком. На губах переливался перламутром легкий блеск. И даже глаза оказались аккуратно подведены карандашом.

— У меня там ещё хлеб... и колбаска с сыром... нарезанные... я сейчас, — и она, поставив кастрюлю на плиту, умчалась за перечисленным. Лавр поспешил за ней. Он уже открыл дверь в её квартиру и собрался войти, чтобы помочь, но столкнулся с хозяйкой лицом к лицу в проёме. В каждой руке она держала по тарелке с сыром и колбасой. На него пахло легким ароматом «Томму's girl», который он ей привез из своей предыдущей поездки за границу, якобы за то, что она приглядывала за его квартирой. Он умышленно не пропустил её, а протиснувшись в проём, зажал её там, ухватившись рукой за противоположный дверной наличник.

— Ты потрясающе выглядишь, — прошептал он.

— Спасибо, — Лика даже не пыталась прорваться.

— И, спасибо тебе за Антона, — продолжал он шептать, наклоняясь всё ближе к её лицу.

— Пожалуйста, — тоже прошептала она, замерев.

— М-м-м, как вкусно... пахнет, — он еле коснулся губами её уха, как будто просто принюхивался.